

«Это весьма своеобразный аппарат,» — сказал офицер путешествующему исследователю и, несмотря на то, что аппарат был ему давно знаком, с известной долей восхищения окинул его взглядом. Путешественник же, по всей видимости, лишь из вежливости принял приглашение коменданта присутствовать при экзекуции солдата, осуждённого за непослушание и оскорбление вышестоящего по званию. Хотя и в самой колонии особенного интереса к экзекуции не было. Во всяком случае, в этой глубокой, песчаной, окружённой голыми склонами долине кроме офицера и путешественника находился лишь осуждённый — туполицый, длинноротый человек с запущенными волосами и лицом, — и солдат при нём, державший тяжёлую цепь, в которую вливались цепи потоньше, сковывавшие лодыжки и запястья осуждённого и его шею, и также соединявшиеся между собой цепочками. А осуждённый, между тем, выглядел настолько по-собачьи преданно, что, казалось, освободи его от цепей и отпусти бегать по склонам, — потребуется лишь свистнуть его к началу экзекуции.

Путешественник не разбирался в устройстве аппарата и вышагивал позади осуждённого с почти различимым безучастием, в то время как офицер совершал последние приготовления, — то залезал под вкопанный глубоко в землю аппарат, то взбирался по приставной лестнице, чтобы обследовать верх. В действительности, это была работа, которую можно было переложить на механика, но офицер исполнял её с большим прилежанием, был ли он исключительным почитателем аппарата, или же из других причин не мог доверить этой работы никому другому. «Всё готово!» — наконец крикнул он и спустился по лестнице. Он выглядел неимоверно изнурённым, дышал широко открыв рот, а за воротник униформы у него были заткнуты два нежных дамских носовых платочка. «Эти униформы слишком плотны для тропиков,» — сказал путешественник вместо того, чтобы, как ожидал офицер, осведомиться об аппарате. «Разумеется, — ответил офицер, отмывая испачканные маслом и жиром руки в заранее подготовленном ковше воды, — но они напоминают о Родине; ведь мы не хотим потерять Родину. Но посмотрите однако же на этот аппарат, — добавил он, вытер руки полотенцем и одновременно указал на аппарат. — До сей поры была необходима ручная работа, но теперь аппарат будет работать сам по себе.» Путешественник кивнул и последовал за офицером. Тот решил на всякий случай обезопасить себя и добавил: «Сбои, конечно, случаются; я надеюсь, что сегодня их не будет, но с ними приходится считаться. Аппарат будет работать двенадцать часов подряд. И даже если возникнут сбои, то только несущественные, и их немедленно устранят.»

«Может быть, присядете?» — спросил он наконец, вытащил из кучи складных кресел одно и протянул его путешественнику; тот не смог отказаться. Он сел у края канавы, в которую мельком бросил взгляд. Она была не очень глубокой. С одной стороны была навалена в кучу выкопанная земля, с другой стоял аппарат. «Я не знаю, — сказал офицер, — объяснил ли вам комендант, как аппарат работает.» Путешественник сделал неопределённый жест рукой; офицер же только и ждал повода сам объяснить работу аппарата. «Этот аппарат» — сказал он и взялся за ручку ковша, на который опирался, — «изобретение прежнего коменданта. Я работал над ним начиная с первых проб, а также участвовал во всех остальных работах до самого их завершения. Заслуга же изобретения принадлежит только ему. Вы слышали о нашем прежнем коменданте? Нет? О, я могу сказать без преувеличения, что всё устройство колонии — дело его рук. Мы, его друзья, ещё когда он был при смерти, знали о том, что устройство колонии настолько совершенно, что ни один его последователь, имей он хоть тысячу планов в голове, в течение многих лет не сможет изменить ничего из созданного предшественником. И наше предсказание вполне сбылось; новый комендант был вынужден это признать. Жаль, что вы не застали прежнего коменданта! Однако, перебил офицер сам себя, — я заболтался, а аппарат тем временем стоит перед нами. Как вы видите, он состоит из трёх частей. С течением времени за каждой укрепилось в известной мере народное обозначение. Нижняя называется постелью, верхняя — рисовальщиком, а средняя свободная часть называется бороной.» «Бороной?» — переспросил путешественник. Он не очень внимательно слушал, солнце улавливалось и удерживалось лишённой тени долиной, было трудно собраться с мыслями. Тем более удивительным казался ему офицер в облегающем парадном мундире, увешанном аксельбантами, отяжелевшем эполетами, который так усердно излагал свой предмет и, кроме того, во всё время разговора то здесь, то там подкручивал отвёрткой болты. Солдат, кажется, находился в том же состоянии, что и путешественник. Он обматывал себе вокруг обоих запястий цепи осуждённого, опёрся одной рукой на ружьё, его голова болталась на шее, и уже ничто не притягивало его внимания. Путешественнику это не казалось странным, поскольку офицер говорил по-французски, а ни солдат, ни осуждённый французского, конечно, не понимали. Тем более обращало на себя внимание то, что осуждённый несмотря на это внимательно прислушивался к объяснениям офицера. С неким сонливым упорством устремлял он взгляд туда, куда указывал офицер, и когда путешественник перебил того вопросом, то осуждённый, как и офицер, перевёл взгляд на путешественника.

«Да, борона, — подтвердил офицер, — подходящее название. Иглы расположены как на бороне, и всё целиком приводится в движение наподобие бороны, хоть на одном и том же месте и гораздо более изощрённо. Да вы сейчас поймёте сами. Сюда, на постель, кладут осуждённого. Я собираюсь сперва описать вам аппарат, и лишь затем начать процедуру. Вам легче будет тогда следить за тем, что происходит. К тому же, зубчатая передача рисовальщика изнасилась; он очень скрежещет во время работы; почти невозможно друг друга слышать; запасные части здесь, к сожалению, достать трудно. Так вот, это, как я сказал, постель. Она вся покрыта слоем ваты; о её назначении вы ещё узнаете. На эту вату кладут осуждённого на живот, обнажённым, естественно; здесь находятся ремни для рук, здесь — для ног, здесь — для шеи, ими осуждённого пристёгивают. Здесь, в головах постели, на которую, как я сказал, сперва кладут человека лицом вниз, расположен небольшой войлочный валик, его легко отрегулировать таким образом, чтобы он попадал человеку прямо в рот. Он предназначен для предотвращения криков и прикусывания языка. Конечно же, человек вынужден взять её в рот, иначе пристяжной ремень сломает ему шею.» «Это вата?» — спросил путешественник и наклонился поближе. «Да-да, — улыбнулся офицер, потрогайте.» Он взял руку путешественника и провёл ею по постели. «Это специально обработанная вата, поэтому она так непривычно выглядит; я ещё расскажу о её назначении.» Путешественника аппарат уже немного увлёк; поднеся руку к глазам, защищая их от солнца, он кинул взгляд на его верх. Это было большое сооружение. Постель и рисовальщик имели одинаковый размер и выглядели как два тёмных сундука. Рисовальщик размещался примерно в двух метрах над постелью; между собой они скреплялись четырьмя латунными стержнями по углам, почти сиявшими в лучах солнца. Между ящиками на стальном ободе парила борона.

Офицер едва ли обратил внимание на начальное равнодушие путешественника, зато его теперешний зарождающийся интерес не остался для него незамеченным; он прервал свои объяснения, чтобы дать путешественнику время на ничем не нарушаемое исследование. Осуждённый последовал примеру путешественника; не имея возможности прикрыть глаза рукой, незащищёнными глазами помаргивал он в высоту.

«Ну вот — человек уложен,» — сказал путешественник, откинулся в кресле и скрестил ноги.

«Да, — сказал офицер, немного сдвинул назад фуражку и провёл рукой по жаркому лицу, — теперь слушайте! Как постель, так и рисовальщик имеют по электрическому аккумулятору; постель использует его для самой себя, рисовальщик же — для бороны. Как только человек пристёгнут, постель приводится в движение. Она вибрирует одновременно в горизонтальной и вертикальной плоскости. Вам, вероятно, встречались подобные аппараты в лечебницах; но движения нашей постели чётко рассчитаны — а именно, они должны пристрастно следовать движениям бороны. Бороне же доверено исполнение самого приговора.»

«И как звучит приговор?» — спросил путешественник. «Вы и этого не знаете? — удивился офицер и прикусил губу: — Прошу прощения, если мои объяснения сбивчивы; извините меня. Раньше объяснения давал комендант; новый же комендант снял с себя эту ответственность; то, что он столь высокого посетителя...» Путешественник попытался оградить себя от восхваления обеими руками, но офицер настоял на своей формулировке: — «столь высокого посетителя не информирует о форме приговора — это очередное новшество, которое» — Он с трудом удержал на губах проклятия, взял себя в руки и сказал лишь: — «Мне об этом не сообщили, это не моя вина. Кроме того, я наилучшим образом осведомлён обо всех видах наших приговоров, поскольку здесь, — он хлопнул себя по нагрудному карману, я ношу соответствующие рисунки от руки прежнего коменданта.»

«Собственноручные рисунки коменданта? — спросил путешественник, — Он что же — объединял в себе всё: солдата, судью, химика, рисовальщика?»

«Именно так,» — сказал офицер, кивнув, с неподвижным, задумчивым взглядом. Потом он придирчиво взглянул на свои руки; они показались ему недостаточно чистыми, чтобы взять рисунки; он отошёл к ковшу и вымыл их ещё раз. Затем вынул маленькую чёрную папку и сказал: «Наш приговор не звучит слишком строго. Закон, который преступил осуждённый, будет вписан бороней в его тело. Этому осуждённому, например, — офицер указал на осуждённого, — в тело будет вписано: „Уважай твоего начальника!“»

Путешественник мельком посмотрел на осуждённого; в то мгновение, когда офицер указал в его сторону, тот держал голову опущенной, напрягая слух в надежде что-то уловить. Но движения его толстых сплюснутых друг о друга губ со всей очевидностью показывали, что он не в состоянии ничего понять. Путешественник хотел задать множество вопросов, но под воздействием выражения лица осуждённого спросил лишь: «Знает ли осуждённый свой приговор?» «Нет,» ответил офицер и хотел было продолжить свои объяснения, но путешественник перебил его: «Он не знает приговора?» «Нет, — сказал офицер снова, помедлил секунду, как будто ожидая от путешественника объяснения его вопроса, и произнёс: — Было бы бесполезно сообщать ему приговор. Он же узнает его собственным телом.» Путешественник уже собрался умолкнуть, как вдруг почувствовал на себе взгляд осуждённого; казалось, он спрашивает, что думает путешественник по поводу описанного процесса. Поэтому уже откинувшийся в кресле путешественник снова наклонился вперёд и спросил: «Но то, что он приговорён, ему известно?» «Тоже нет,» — ответил офицер и улыбнулся путешественнику, будто ожидая теперь от него самых невероятных высказываний. «Нет, — повторил путешественник и провёл рукой по лбу, — в таком случае, он не знает, почему его защита потерпела крах?» «У него не было случая воспользоваться защитой,» — сказал офицер, глядя в сторону и говоря как бы сам с собой, чтобы не оскорбить путешественника объяснением столь очевидных вещей. «Но ему должна была быть предоставлена возможность защиты,» — сказал путешественник и поднялся с кресла.

Офицер понял, что его дальнейшим объяснениям грозит опасность быть надолго прерванными; поэтому он подошёл к путешественнику, взял его под руку, указал пальцем на осуждённого, который теперь из-за внимания, со всей очевидностью направленного в его сторону, вытянул руки по швам — а солдат тем временем подтянул цепь, — и сказал: «Это происходит таким образом. Я поставлен в исправительной колонии судьёй. Несмотря на мою молодость. Потому что при исполнении прошлых приговоров я помогал бывшему коменданту и лучше других знаком с аппаратом. Принцип, из которого я исхожу: вина всегда несомненна. Другие суды могут исходить из других принципов, так как состоят из многих голосов и имеют суды над собой. Но здесь другой случай, или был другим — при прошлом коменданте. Новый же комендант с удовольствием хотел бы вмешаться в мой суд, но пока мне всегда удавалось защититься от него, и мне будет удаваться это и в будущем. — Вы хотели, чтобы я объяснил вам данный конкретный случай; он так же прост, как и все прочие. Капитан доложил сегодня утром, что этот человек, назначенный к нему денщиком и спавший у его дверей, проспал службу. Его обязанностью было — вставать с ежечасным боем часов и отдавать капитану честь. Это, конечно, несложная и необходимая обязанность, так как ему следует быть всегда готовым к подъёму и службе. Капитану захотелось прошлой ночью проверить, исполняет ли денщик свою обязанность. Когда часы пробили два, он открыл дверь и увидел денщика спящим, свернувшись клубком. Он взял плётку и стегнул его по лицу. Вместо того, чтобы встать и попросить прощения, человек схватил хозяина за ноги, стал его трясти и закричал: „Брось плётку, а то я тебя съем.“ — Такова ситуация. Капитан пришёл ко мне час назад, я записал его показания и вынес приговор. После этого я приказал заковать его в цепи. Всё очень просто. Если бы я сначала вызвал человека и стал его допрашивать, это лишь вызвало бы ненужную путаницу. Он бы стал мне лгать, стал бы, докажи я, что он лжёт, придумывать новую ложь и так далее. Теперь же он арестован и не будет отпущен. — Теперь вы всё поняли? Но время идёт, пора начинать экзекуцию, а я всё ещё не закончил объяснять работу аппарата.» Он усадил путешественника обратно в кресло, снова подошёл к аппарату и начал: «Как видите, форма бороны соответствует форме человеческого тела; здесь борона для верхней части тела, здесь бороны для ног. Для головы предназначен только вот этот маленький шип. Вам понятно?» Он нагнулся к путешественнику, готовый к всесторонним объяснениям.

Путешественник из-под нахмуренного лба разглядывал борону. Объяснения судебного процесса его не удовлетворили. Тем не менее, он должен был учитывать, что речь шла об исправительной колонии, что здесь необходимы особые меры и в любом случае действовать следовало по-военному. Кроме того, он рассчитывал на нового коменданта, кто, очевидно, хоть и постепенно, но собирался ввести новые методы, недостижимые для ограниченного мозга этого офицера. Посреди этих размышлений путешественник спросил: «А комендант будет присутствовать при экзекуции?» «Неизвестно, — ответил офицер, задетый неожиданным вопросом, и его доброжелательное выражение лица перекопилось. Именно поэтому мы должны поторопиться. Мне даже, к большому сожалению, придётся сократить объяснения. Хотя завтра, когда аппарат будет вымыт и вычищен — это его единственный недочёт — то, что он сильно пачкается, — я мог бы дать вам более подробные объяснения. Теперь же — лишь самые необходимые. Когда человек уложен на постель, и она вибрирует, борона опускается на тело. Она сама устанавливается в таком положении, что лишь слегка касается тела остриями игл; как только настройка закончена, вот этот стальной канат выпрямляется в стержень. И представление начинается. Непосвящённому различия между видами наказаний незаметны. Работа бороны кажется монотонной. Вибрируя, она втыкает иглы в тело, вибрирующее, в свою очередь, на постели. Чтобы предоставить любому человеку возможность проверить правильность исполнения приговора, борона была сделана из стекла. У нас было немало технических проблем с укреплением игл, но после многочисленных

позволяет нам это удалось. Мы не боялись траты сил и времени. И теперь каждый может видеть сквозь стекло, как происходит гравировка надписи на теле. Не хотите ли подойти поближе и осмотреть иглы?»

Путешественник медленно поднялся, подошёл к бороне и нагнулся над ней. «Вы видите, — сказал офицер, — два вида игл в разнообразном порядке. Рядом с каждой длинной расположена игла покороше. Длинная игла пишет, а короткая брызжет водой, чтобы смывать кровь и не размазывать надпись. Вода, смешанная с кровью, отводится вот в эти маленькие водостоки, а затем стекает в основной жёлоб и через сливную трубу устремляется в канаву.» Офицер проследил пальцем весь путь, который проделывает вода с кровью. Когда же он, желая наибольшей наглядности, подставил руки под слив трубы, путешественник поднял голову и попытался, на шаривая позади себя кресло, вернуться в него. Тут он к своему ужасу заметил, что осуждённый, как и он сам, последовал предложению офицера рассмотреть борону с близкого расстояния. Цепью он немного сдвинул с места заспанного солдата и наклонился над стеклом. Было заметно, как он неуверенным взглядом пытается нащупать то, что только что рассмотрели оба господина, и как ему это никак не удаётся из-за отсутствия объяснений. Он наклонялся то туда, то сюда. Снова и снова обшаривал он глазами стекло. Путешественник хотел было оттеснить его, так как действия его были, вероятно, наказуемы. Но офицер удержал путешественника одной рукой, а другой поднял ком земли с холмика около канавы и бросил им в солдата. Тот рывком поднял взгляд, увидел, что позволил себе осуждённый, уронил ружьё, упёрся каблуками в землю, отдёргнул осуждённого так, что тот сразу упал, и опустил взгляд на него, ворочающегося на земле и брэнчащего цепями. «Подними его!» — крикнул офицер, заметив, что путешественник уделяет осуждённому слишком много внимания. Путешественник даже перегнулся через борону, совершенно не беспокоясь о ней самой, интересуясь только тем, что же случится с осуждённым. «Будь с ним поосторожней!» — снова крикнул офицер. Он обежал аппарат кругом, подхватил осуждённого под мышки и с помощью солдата поставил его на ноги, часто скользившие ступнями по песку.

«Ну, теперь я уже обо всём осведомлён.» — сказал путешественник, когда офицер вернулся к нему. «Кроме самого главного, — сказал тот, взял путешественника под руку и указал наверх. — Там, в рисовальщике, находится зубчатый механизм, определяющий движение бороны, и этот зубчатый механизм устанавливается в соответствии с рисунком, отвечающим приговору. Я по-прежнему применяю рисунки бывшего коменданта. Вот они. — Он вытащил несколько рисунков из кожаной папки. — Сожалею, но не могу дать их вам в руки, они — это самое дорогое, что у меня есть. Садитесь, я покажу их вам с расстояния, откуда вам будет хорошо видно.» Он показал путешественнику первый листок. Путешественнику хотелось сказать что-нибудь внятное, но он видел лишь лабиринт многократно пересекающихся линий, покрывающих бумагу так плотно, что незаполненные пространства между ними были различимы лишь с большим трудом. «Читайте,» сказал офицер. «Я не могу,» — ответил путешественник. «Вполне доступно,» сказал офицер. «Очень искусно, — сказал путешественник уклончиво, — но я не могу расшифровать.» «Да, — сказал офицер, рассмеялся и захлопнул папку, — это не чистописание для школьников. Нужно долго вчитываться. Вы тоже в конце концов разглядите. Конечно, это очень непростая надпись; она должна убивать не сразу, а в продолжение, в среднем, двенадцати часов; на шестом часу наступает переломный момент. Большое, очень большое количество украшений должно дополнять шрифт; сама надпись огибает тело узким пояском; остальное тело предназначено для украшений. Не могли бы вы теперь удостоить вашего внимания работу борозды и аппарата в целом? — Смотрите!» Он вспрыгнул на лестницу, повернул какое-то колесо, крикнул вниз: «Осторожно! Отойдите в сторону!» — и всё пришло в движение. Если бы не скрипело колесо, всё было бы замечательно. Как будто застигнутый помехами колеса врасплох, офицер погрозил колесу кулаком, развёл, извиняясь перед путешественником, руки в стороны и поспешно спустился вниз, чтобы проверить работу аппарата внизу. Что-то ещё было не в порядке, что-то, заметное лишь ему одному; он снова взобрался наверх, запустил обе руки во внутренность рисовальщика, соскользнул вниз по стержню, чтобы быстрее оказаться внизу, и закричал, перебивая шум, с крайним напряжением в ухо путешественника: «Вам понятен процесс? Борона начинает писать; после того, как нанесена первая разметка надписи на спине человека, слой ваты начинает вращаться и медленно переворачивает тело на бок, чтобы предоставить бороне новое свободное пространство. В то же время, израненные надписью места ложатся на вату, которая вследствие специальной обработки сразу останавливает кровотечение и подготавливает к новому углублению надписи. Вот эти зубцы по краям бороны отрывают при дальнейшем переворачивании тела вату от ран и швыряют её в канаву, и борона продолжает работу. Таким образом пишет она глубже и глубже в течение двенадцати часов. Первые шесть часов осуждённый живёт так же, как раньше, только испытывает боль. Через два часа войлочный валик удаляют, так как у человека всё равно уже нет сил кричать. Сюда, в головы постели, кладут тёплую рисовую кашку в электрически подогреваемую миску, из которой осуждённый, если хочет, может есть, сколько достанет языком. Ни один не упускает этой возможности. Я не видел ни одного, а у меня большой опыт. Лишь на шестом часу интерес к еде оставляет его. Тогда я обычно становлюсь вот здесь на колени и наблюдаю за этим явлением. Последний кусок человек обычно не проглатывает, а катает его во рту и потом выплёвывает в канаву. Я в этот миг должен пригнаться, иначе плевок попадёт мне в лицо. Но как же тих становился человек на шестом часу! У глупейшего появляется вдруг понимание. Оно зарождается у глаз. Оттуда оно распространяется. Зрелище, способное соблазнить самому лечь под борону. Ничего большего не происходит, человек лишь начинает расшифровывать надпись, он подбирает губы, как будто к чему-то прислушиваясь. Вы видели, что расшифровать надпись глазами непросто; наш человек расшифровывает её ранами. Но это большая работа; ему требуется шесть часов для её завершения. Потом же борона совсем протыкает его и выкидывает в канаву, где он с плеском падает на вату в кровавой воде. На этом суд завершается, и мы с солдатом закапываем его.»

Путешественник наклонил голову к офицеру и, сунув руки в карманы сюртука, наблюдал за работой машины. Осуждённый тоже наблюдал за ней, но без понимания. Он немного наклонялся и следил за подрагивавшими иглами, когда солдат, по знаку офицера, распорол ему сзади ножом рубаху и штаны так, что они упали с осуждённого; тот хотел было схватить упавшее тряпье и прикрыться, но солдат вздёргнул его и сорвал последние клочки одежды. Офицер остановил машину, и в наступившей тишине осуждённого уложили под борону. Его освободили от цепей, взамен пристегнув ремнями; в первый момент показалось, что для осуждённого это стало почти облегчением. А борона тем временем опустилась чуть ниже, поскольку он был худ. Когда кончики игл коснулись его, по его коже пробежала дрожь; тогда как солдат был занят его правой рукой, он вытянул левую, сам не зная, куда, — но получилось в направлении путешественника. Офицер же неотрывно искоса наблюдал за путешественником, будто пытаясь прочитать на его лице впечатление от экзекуции, пусть пока лишь поверхностно ему описанной.

Ремень, предназначавшийся для запястья, порвался; наверное, солдат слишком сильно его затянул. Нужна помощь офицера, показал солдат, протягивая оторванный обрывок ремня. Офицер подошёл и сказал, повернув лицо к путешественнику: «Машина очень сложно устроена, тут и там может что-то рваться или ломаться; но в общей оценке не следует ошибаться. Для ремня, кстати сказать, тотчас же найдут замену; я задействую цепь; чувствительность колебаний при этом несколько понизится — для правой руки.» Укрепляя цепь, он добавил: «Средства для ухода за машиной сейчас очень ограничены. При бывшем коменданте у меня был свободный доступ к кассе

путешественник для этих целей. Здесь был магазин, в котором хранились всевозможные запасные детали. Сказать по правде, я был расточителен, — я имею в виду, тогда, не сейчас, — так думает новый комендант, ему ведь всё служит предлогом, лишь бы побороть старые порядки. Теперь касса для машины в его личном распоряжении, и если я спрошу новый ремень, то должен буду представить старый для подтверждения, а новый придёт лишь через десять дней, окажется наихудшего образца и вообще никуда не годен. Как я в это время должен использовать машину — до этого никому нет дела.»

Путешественник подумал: судя поспешно, вмешиваться в чужие обстоятельства всегда рискованно. Он не был гражданином ни исправительной колонии, ни государства, которому она принадлежала. Если бы он хотел дать оценку, тем более — препятствовать осуществлению экзекуции, ему бы могли ответить: ты здесь чужой, молчи. На это ему было бы нечего ответить, кроме того, что он сам не в состоянии себя понять, поскольку путешествует лишь с намерением смотреть, и ни в коем случае не затем, чтобы изменять чужое судопроизводство. Но исходя из того, как обстояли дела здесь, искушение вмешаться было большим. Несправедливость процесса и бесчеловечность экзекуции были вне сомнения. В личной выгоде путешественника никто бы не заподозрил: осуждённый был ему чужим, не соотечественником и к сочувствию не располагал. Сам же путешественник имел рекомендации от высоких чинов, был принят с большой вежливостью, и то, что его пригласили на экзекуцию, казалось намёком на желание получить от него оценку этого суда. Это было тем более вероятно, потому что комендант, как он теперь более чем отчётливо расслышал, не был сторонником этого процесса и вёл себя по отношению к офицеру почти враждебно.

Тут путешественник услышал сердитый вопль офицера. Он только что и не без труда вложил осуждённому в рот войлочный валик, а осуждённый зажмурился в неудержимом рвотном позыве, и его вырвало. Офицер рывком поднял его в воздух и хотел было повернуть головой к канаве, но слишком поздно: рвота уже стекала вниз по машине. «Целиком и полностью вина коменданта! — крикнул офицер, без памяти сотрясая латунные стержни. — Машина в нечистотах, как хлеб.» Дрожащими пальцами указал он путешественнику на то, что произошло. «Не повторял ли я коменданту многократно, что за день до экзекуции нельзя выдавать еду. Но новое мягкое правление держится другой точки зрения. Комендантские дамы перед отправлением пичкают человека сладостями. Всю свою жизнь он питался вонючей рыбой, а теперь должен есть сласти! Хорошо, это было бы возможно, если бы поставили новый валик, о котором я уже четыре месяца прошу. Как можно взять этот валик без отвращения в рот, когда его сосали и кусали сотни умирающих?»

Осуждённый положил голову на место и выглядел успокоенно, а солдат был занят чисткой машины при помощи рубашки осуждённого. Офицер подошёл к путешественнику, который в каком-то предчувствии отодвинулся на шаг, однако офицер взял его под руку и отвёл в сторону. «Я хотел бы сказать вам несколько слов доверительно, — произнес он, — Вы не возражаете?» «Нет, конечно,» ответил путешественник, опустив глаза.

«Этот процесс и эта экзекуция, восхищаться которой вам выдался случай, в настоящий момент не имеет прямых сторонников в нашей колонии. Я единственный исполнитель, как и единственный исполнитель последней воли коменданта. О дополнениях я не смею и думать, все мои силы уходят на то, чтобы поддерживать в рабочем состоянии то, что есть. Когда был жив старый комендант, колония была полна его сторонников; убедительность коменданта отчасти есть и у меня, но власти его я полностью лишён; как следствие, его сторонники попрятались, их ещё довольно много, но ни один из них открыто в этом не признается. Если вы сегодня, то есть в день экзекуции, зайдёте в чайную, то, вероятно, услышите лишь двусмысленные высказывания. Это сторонники, но при нынешнем коменданте и его нынешних воззрениях — для меня совершенно бесполезные. А теперь ответьте мне на вопрос: должно ли подобное дело жизни, — он указал на машину, рассыпаться в прах из-за этого коменданта и оказывающих на него влияние женщин? Можно ли такое допустить? Даже если присутствовать на нашем острове всего несколько дней проездом? Терять же время никак нельзя, против моего законоисполнения уже что-то замышляется; в комендатуре происходят совещания без моего участия; даже ваше сегодняшнее посещение показательно — трусливо подослать чужого человека. Насколько отличались прошлые экзекуции от сегодняшней! Уже за день до неё вся долина бывала заполнена людьми; они собирались ради зрелища; рано утром появлялся комендант в сопровождении дам; фанфары будили лагерь; я делал сообщение о том, что всё готово; общество — ни один высокий чин не смел отсутствовать — выстраивалось вокруг машины; вот эта кучка складных стульев — жалкие останки того времени. Свежевычищенная машина сверкала; почти к каждой экзекуции я получал запасные детали. Перед сотнями глаз — все зрители, до вон тех склонов, поднимались на цыпочки — комендант собственноручно укладывал осуждённого под борону. То, что сегодня поручено обычному солдату, было моей, председателя суда, работой и делало мне честь. И экзекуция начиналась! Ни один посторонний звук не нарушал работы машины. Некоторые уже даже не смотрели, а лежали в песке с закрытыми глазами; каждый знал: торжествует правосудие. Лишь приглушённые войлочным валиком стоны осуждённого нарушали тишину. Сегодня машине уже не удаётся выжимать из осуждённого больше стонов, чем может заглушить войлочный валик; а тогда пишущие иглы сочились едкой жидкостью, которая сегодня запрещена к применению. И вот наступал шестой час! Не представлялось возможности удовлетворить просьбу каждого, желавшего наблюдать изблизи. Комендант со свойственной ему пронизательностью распорядился, чтобы в первую очередь пропускали детей; я же, в силу моей обязанности, имел право всегда находиться рядом; часто сидел я на корточках, два ребёнка слева и справа у меня на руках. Как мы все внимали выражению просветления на измученном лице, как погружали наши щёки в свет этого наконец достигнутого и уже переходящего правосудия! Какие времена, друг мой!» Офицер, по всей видимости, уже забыл, кто стоит перед ним; он обнял путешественника и положил голову ему на плечо. Путешественник пребывал в большом смущении и с нетерпением поглядывал вдаль через офицера. Солдат закончил чистку машины и сейчас вытряхивал из коробки в миску рисовую кашу. Как только осуждённый, успевший, казалось, полностью прийти в себя, заметил это, он тотчас же высунул язык и потянулся к каше. Солдат то и дело отталкивал его, поскольку каша предназначалась для более позднего часа, но послушанием было и то, что сам солдат запустил грязные руки в кашу и ел прямо перед жаждавшим осуждённым.

Офицер быстро взял себя в руки. «Я не пытался вызвать в вас сочувствия, сказал он, — я знаю, что тех времён сегодня не описать. Машина, несмотря ни на что, работает и говорит сама за себя. Она говорит сама за себя, даже когда стоит совсем одиноко в этой долине. И в конце труп падает всё в том же непостижимо мягком полёте в канаву, даже если вокруг неё, как бывало раньше, и не роятся, уподобляясь мухам, сотни людей. Тогда мы были вынуждены обнести канаву забором; его давно снесли.»

Путешественник пытался отвернуть от офицера лицо и бесцельно осматривался по сторонам. Офицер же думал, что он оглядывает пустынную долину; поэтому он взял его за руки, повернулся вокруг него, чтобы охватить направления его взглядов и спросил: «Видите, какой позор?»

Но путешественник молчал. Офицер на минутку отстранился от него; с широко расставленными ногами, руки на бёдрах, он недвижно стоял и смотрел в землю. Потом подбадривающе улыбнулся путешественнику и сказал: «Я вчера был рядом, когда комендант вас пригласил. Я знаю коменданта. Я сразу же понял, чего он хочет этим приглашением добиться. Несмотря на то, что вполне в его власти было бы выступить против меня, он пока на это не решается, желая, по всей видимости, предать меня вашему суду, суду уважаемого иностранца. У него тщательный расчёт; вы второй день на острове, вы не знали старого коменданта и его круг мыслей, вы скованы европейскими воззрениями, возможно, вы принципиальный противник смертной казни вообще, а такой, механизированной, экзекуции — в особенности, кроме того, вы видите, что экзекуция совершается без общественного участия, печально, на уже немного повреждённой машине — не может ли случиться так, что, принимая это всё во внимание вы (так думает комендант) сочтёте мой процесс неправильным? И если вы сочтёте его неправильным, вы не станете (я смотрю всё ещё с точки зрения коменданта) этого умалчивать, потому что вы же доверяете вашим множеству раз применённым суждениям. Однако вам среди разных народов встречались разные своеобразности, и вы научились относиться к ним с уважением, поэтому вы, вероятно, не станете возражать изо всех сил против экзекуции, как вы бы, наверное, сделали у себя на родине. Но этого коменданту и не требуется. Одного мимолётного, даже случайного слова будет достаточно. Оно не должно даже соответствовать вашим суждениям, лишь бы оно совпадало с его желаниями. В том, что расспрашивать вас он будет с величайшей хитростью, я убеждён. А его дамы рассядутся вокруг и навяжут ушки; вы скажете приблизительно: „У нас суд совершается по-другому,“ или „У нас осуждённый проходит через слушание перед судом,“ или „У нас кроме смертной казни есть и другие виды наказаний,“ или „У нас были пытки только в средневековье.“ Всё это замечания, которые правильны настолько, насколько само собой разумеющимися они вам кажутся, невинные замечания, не затрагивающие моего процесса. Но как их воспримет комендант? Я прямо-таки вижу его, нашего дорогого коменданта: как он отодвигает стул и торопится на балкон, я вижу, как его дамы устремляются за ним, я слышу его голос, — дамы называют его громовым — и как он говорит: „Великий исследователь с Запада, чьё предназначение проверять законность судопроизводства во всех странах, только что сказал, что наши процессы по старому обычаю — бесчеловечны. После такого суждения подобной личности я, конечно, не могу в дальнейшем терпеть эти процессы. Начиная с сегодняшнего дня я распоряжаюсь — ну и так далее. Вы хотите вмешаться, вы этого не говорили, вы не называли мой процесс бесчеловечным, наоборот, согласно вашему глубокому пониманию, он представляется вам в высшей степени человеческим и достойным человека, вы восхищены механизацией — но уже слишком поздно; вам не прорваться на балкон, заполненный дамами; вы пытаетесь привлечь к себе внимание; хотите кричать; но дамская рука закрывает вам рот — а я и творение старого коменданта потеряны.»

Путешественнику пришлось подавить улыбку; оказывается, задача, казавшаяся ему столь трудновыполнимой, была так проста. Он сказал уклончиво: «Вы преувеличиваете моё влияние; комендант прочёл моё рекомендательное письмо, он знает, что я не знаток судебных процессов. Если бы я высказал своё мнение, это было бы мнением частного лица, ничем не более ценное, нежели мнение любого другого и, в любом случае, гораздо менее значительное, чем мнение коменданта, который, насколько я понимаю, имеет в колонии очень широкие права. Если его мнение об этом процессе настолько определён, как это кажется вам, то, я боюсь, процесс обречён и без моего скромного вмешательства.»

Осознал ли это офицер? Нет, не осознал. Он отчаянно покачал головой, быстро взглянул на осуждённого и солдата, которые вздрогнули и отвлеклись от риса, подошёл очень близко к путешественнику, посмотрел ему не в лицо, а куда-то на сюртук и сказал тише, чем прежде: «Вы не знаете коменданта; по отношению к нему и ко всем нам вы — извините за выражение — достаточно безобидны; ваше влияние, поверьте мне, не будет очень высоко оценено. Я обрадовался, когда узнал, что только вы один будете присутствовать при экзекуции. Это распоряжение коменданта должно было меня задеть, но теперь я его поверну в свою пользу. Не отвлекаясь на ложные наушничества и презрительные взгляды, которых было бы не избежать при большем скоплении публики, вы выслушали мои объяснения, осмотрели машину и теперь вот-вот увидите саму экзекуцию. Ваше суждение наверняка уже вынесено; если даже остались какие-то сомнения, экзекуция их устранил. И теперь я обращаюсь к вам с просьбой: помогите мне против коменданта!»

Путешественник не дал ему говорить дальше. «Как же я могу, — выкрикнул он, — это невозможно. Я настолько же неспособен вам помочь, насколько неспособен повредить.»

«Способны,» — сказал офицер. С некоторой опаской путешественник отметил, что офицер сжал кулаки. «Способны, — повторил офицер ещё внушительнее. — У меня есть план, который должен удался. Вы думаете, вашего влияния недостаточно. Я знаю, что его достаточно. Но даже допустим, что вы правы, неужели не следует предпринять всё возможное, даже то, что кажется недостаточным, для сохранения этого процесса? Так что выслушайте мой план. Для его выполнения важнее всего, чтобы вы сегодня ничего не говорили о вашем суждении в колонии. Если вас прямо не спрашивают, не говорите ничего; высказывания же ваши должны быть короткими и неопределёнными; должно быть заметно, что вам сложно об этом говорить, что вам горько, что, начни вы говорить прямо, вы рискуете разразиться ругательствами. Я не требую, чтобы вы лгали, напротив; вам нужно только давать короткие ответы, например: „Да, я наблюдал за экзекуцией,“ или „Да, я слышал все объяснения“. Только это, больше ничего. Для горечи, которую должны в вас заметить, достаточно поводов, хоть и не в том духе, как думает комендант. Он, конечно, истолкует всё совершенно неверно — со своей точки зрения. На этом строится мой план. Завтра в комендатуре под начальством коменданта состоится большое совещание всех высших правительственных чиновников. Комендант знает, конечно, как сделать из таких совещаний спектакль. Построена галерея, всегда заполненная зрителями. Я вынужден принимать участие в обсуждениях, но меня трясёт от отвращения. Вас обязательно пригласят на совещание; если вы сегодня будете действовать в соответствии с моим планом, приглашение будет превращено в настойчивую просьбу. Если же вас из каких-либо соображений всё-таки не пригласят, вам нужно будет потребовать приглашения; то, что вы его получите, — вне сомнений. И вот вы сидите завтра вместе с дамами в ложе коменданта. Он несколько раз удостоверится в том, что вы здесь, бросая взгляд вверх. После различных несущественных, смехотворных предметов для обсуждений — обычно это портовые сооружения, снова и снова портовые сооружения! — приходит очередь судебных процессов. Если этого не произойдёт со стороны коменданта или будет слишком откладывать, я позабочусь о том, чтобы это произошло. Я встану и доложу о сегодняшней экзекуции. Очень коротко, только это сообщение. Такое сообщение не в порядке вещей, но я его всё равно сделаю. Комендант, как всегда, поблагодарит меня с дружелюбной улыбкой и не преминёт воспользоваться удобным случаем. „Только что,“ — так, или приблизительно так, скажет он, — „мы получили сообщение об экзекуции. Я хотел бы лишь добавить, что на экзекуции присутствовал великий исследователь, о чьём делающем честь нашей колонии посещении всем нам известно. И наше сегодняшнее совещание имеет повышенное значение из-за его присутствия. Не хотим ли мы задать этому великому исследователю вопрос, какое суждение вынес он об экзекуции по старому обычаю и о процессе, предшествующему ей?“ Конечно же, аплодисменты со всех сторон, общая поддержка, я — громче всех. Комендант нагибается к вам и говорит: „В таком случае я задаю вам от имени всех вопрос.“ Вы подходите к перилам. Положите руки у всех на виду, иначе дамы

схватятся за них и станут играть с вашими пальцами. И вот вам дают слово. Я не знаю, как выдержите напряжение часов до этого момента. В вашей речи вам не нужно устанавливать никаких рамок, пусть истина будет громкой, перегибайтесь через перила, кричите, да, выкрикните коменданту ваше мнение, ваше непоколебимое мнение. Но, может быть, вы этого не захотите, это не соответствует вашему характеру, у вас на родине, возможно, в подобных случаях ведут себя по-другому — это тоже правильно, этого тоже будет достаточно, не вставайте, скажите лишь пару слов, даже шепните, так, что вас расслышат только чиновники под вами, этого достаточно, вам не следует даже упоминать нехватки публики при экзекуции, скрипящего колеса, разорванного ремня, отвратительного войлочного валика, нет, всё остальное беру на себя я, и, верьте мне, если моя речь не выгонит его из зала, то заставит встать на колени и признать: старый комендант, я преклоняюсь перед тобой. Это мой план; вы хотите мне помочь с его выполнением? Ну конечно же, вы хотите, более того вы должны.» Офицер взял путешественника за оба плеча и, тяжело дыша, посмотрел ему в лицо. Последние предложения он так громко выкрикнул, что даже солдат и осуждённый насторожились; несмотря на то, что они были не в состоянии ничего понять, они отвлеклись от еды и, дожёвывая, посмотрели на путешественника.

Ответ, который путешественник собирался дать, был для него с самого начала ясен; он слишком многое видел в жизни для того, чтобы начать сомневаться сейчас; он был, в принципе, честен и бесстрашен. Тем не менее, под взглядом солдата и осуждённого он замешкался на один лишь вздох. Наконец, он произнёс, как и собирался: «Нет.» Офицер несколько раз сморгнул, но взгляда не отвёл. «Хотите объяснений?» — спросил путешественник. Офицер молча кивнул. «Я противник этого процесса, — сказал путешественник. — Ещё раньше, чем вы удостоили меня своего доверия — которым я, конечно, ни в каком случае не собираюсь злоупотреблять, — я размышлял, вправе ли я выступить против этого процесса и будет ли моё выступление иметь хоть какую-то надежду на успех. К кому обратиться в первую очередь, было мне понятно: к коменданту, конечно. Вы сделали мне это ещё понятней, хоть и не укрепив меня в правоте моего решения, наоборот, ваша честная убеждённость мне очень близка, хотя и не способна меня смутить.»

Офицер промолчал, повернулся к машине, взялся за латунный стержень и, немного откинувшись назад, взглянул вверх, на рисовальщик, словно проверяя его исправность. Солдат и осуждённый как будто подружились; осуждённый, насколько было возможно, подал из-под пристёгнутых ремней солдату знак; солдат наклонился к нему; осуждённый что-то шепнул ему в ухо, и солдат кивнул.

Путешественник подошёл к офицеру и сказал: «Вы ещё не знаете, что я намерен сделать. Хотя я и сообщу коменданту своё мнение о процессе, но не на совещании, а с глазу на глаз; я и не задержусь здесь настолько, чтобы попасть на какое-либо совещание; я уже завтра утром либо отправлюсь, либо хотя бы взойду на борт.» Офицер, казалось, не слышал его. «Значит, процесс вас не убедил,» — сказал он сам себе и улыбнулся, как взрослый улыбается глупостям ребёнка и прячет за улыбкой свои собственные размышления.

«Значит, пришло время,» — наконец сказал он и вдруг взглянул на путешественника светлыми глазами, в которых был некий вызов, некое требование причастности.

«Время для чего?» — беспокойно спросил путешественник, но ответа не получил.

«Ты свободен,» — сказал офицер осуждённому на его наречии. Тот сначала не поверил. «Свободен, свободен,» — повторил офицер. В первый раз на лице осуждённого отразилась жизнь. Неужели правда? Или только причуда офицера, способная измениться в любую минуту? Испросил ли для него милости иностранный путешественник? Что произошло? — казалось, спрашивало его лицо. Но недолго. Но что бы то ни было, он хотел, если ему дозволено, быть свободен, и поэтому начал ворочаться, насколько позволяла борона.

«Ты порвёшь мне ремни, — крикнул офицер, — успокойся! Сейчас мы их расстегнём.» Он подал знак солдату, и они вдвоём принялись за работу. Осуждённый тихо смеялся без слов, поворачивая лицо то к офицеру, то к солдату, не забывая и путешественника.

«Вытаскивай его,» — сказал офицер солдату. Из-за бороны проделывать это нужно было с осторожностью. У осуждённого на спине уже завиднелось несколько рваных царапин — последствия его нетерпеливости. С этой минуты офицер перестал заботиться о нём. Он подошёл к путешественнику, снова вынул маленькую кожаную папку, полистал её, нашёл, наконец, нужный листок и протянул путешественнику. «Читайте,» — сказал он. «Я не могу, — ответил путешественник, — я ведь уже сказал, я не могу читать эти листки.» «Но посмотрите же внимательнее,» сказал офицер и встал рядом с путешественником, чтобы читать вместе с ним. Когда и это не помогло, он стал водить мизинцем на значительном расстоянии от бумаги, как будто до листка ни в коем случае нельзя было дотрагиваться, чтобы таким образом облегчить путешественнику чтение. Путешественник напрягся, чтобы хотя бы в этом сделать офицеру одолжение, но без пользы. Тогда офицер начал читать надпись по буквам и потом всю разом. «„Будь справедлив!“ — так это звучит, — сказал он, — теперь-то вы же можете это прочесть.» Путешественник так низко нагнулся над бумагой, что офицер, боясь прикосновения, отодвинул её подальше; путешественник ничего не сказал, но было понятно, что он по-прежнему ничего не мог прочесть. «„Будь справедлив!“ — так это звучит,» — ещё раз сказал офицер. «Возможно, — ответил путешественник, — я вам верю, что это именно так там написано.» «Вот и хорошо,» — сказал офицер, хотя бы отчасти удовлетворённый, и вместе с листком поднялся по лестнице; с большой осторожностью укрепил он листок в рисовальщике и, казалось, совсем по-другому установил зубчатый механизм; это была очень трудоёмкая работа: даже самые маленькие колёсики следовало передвинуть, иногда голова офицера совсем исчезала в рисовальщике, так подробно должен он был обследовать механизм.

Путешественник неотрывно наблюдал за этой работой снизу, его шея затекла, а глаза болели от залитого солнцем неба. Солдат и осуждённый были заняты друг другом. Рубашка и штаны осуждённого, уже лежавшие в канаве, были выужены солдатом при помощи кончика штыка. Рубашка была ужасающе грязной, и осуждённый мыл её в ковше с водой. Когда же он надел рубашку и штаны, то и солдат, и осуждённый не смогли удержаться от смеха, потому что одежда была распорота сзади надвое. Осуждённый, кажется, счёл своей обязанностью развлечь солдата, в разрезанной одежде он кругами увивался перед ним, а сам солдат присел на песок и, смеясь, хлопал себя по коленке. Их сдерживало лишь присутствие господ.

Когда офицер привёл в порядок всё наверху, он ещё раз, улыбаясь, окинул всё взглядом, захлопнул до сих пор открытую крышку рисовальщика, спустился, посмотрел в канаву, потом на осуждённого, с удовольствием отметил, что его одежда вынута, подошёл к ковшу, чтобы вымыть руки, слишком поздно заметил отвратительную грязь, погрузился, потому что не смог вымыть руки, искупал их в конце концов — эта замена казалась ему недостаточной, но ничего другого не оставалось — в песке, встал и начал расстёгивать униформу. При этом ему в руки попались в первую очередь дамские платочки, заткнутые за воротник. «Вот твои носовые платки,» — сказал он и

Бросил их осуждённому. Путешественнику же он объяснил: «Подарок от дам.»

Несмотря на очевидную поспешность, с которой он скинул униформу и теперь полностью разделся, каждую часть своей одежды он снял с особенной тщательностью, разгладил пальцами серебрянные шнуры на мундире и встряхнул одну из кистей. К этой тщательности, однако, едва ли подходило то, что, сняв каждую вещь, он неохотным взмахом кидал её в канаву. Последней на нём осталась короткая шпага на ремне. Он вытащил её из ножен, сломал, собрал всё вместе обломки шпаги, ножны, ремень — и так сильно швырнул, что обломки зазвенели, упав на дно канавы.

Теперь он стоял совсем обнажённый. Путешественник прикусил губы и молчал. Он знал, что произойдёт, но не имел права удерживать офицера от чего бы то ни было. Если судебный процесс, приверженцем которого был офицер, вот-вот должны были отменить — возможно, вследствие вмешательства путешественника, к которому он чувствовал себя обязанным, — то действия офицера были вполне правильными; сам путешественник в его положении действовал бы точно так же.

Солдат и осуждённый вначале ничего не поняли, даже не наблюдали за происходящим. Осуждённый был очень рад вновь обретенным платочкам, но его радость была скоротечна, потому что солдат отобрал их одним быстрым, неожиданным рывком. Теперь осуждённый пытался выхватить платочки у солдата из-за пояса, куда тот их припрятал, но солдат был настороже. Так они и боролись в полущутку. Лишь когда офицер совсем обнажился, они обратили на него внимание. Особенно осуждённого, казалось, трогало предчувствие некоего большого переворота. То, что должно было произойти с ним, происходило теперь с офицером. Возможно, так должно и было идти до самого конца. Вероятно, путешественник отдал соответственный приказ. То есть, это была месть. Не выстрадавший всего до конца, он будет полностью отмщён. Широкая беззвучная улыбка появилась на его лице и уже больше его не покидала.

Офицер повернулся к машине. Тогда как и раньше было ясно, что он очень хорошо понимает машину, теперь просто поражало, как он с ней обращался и как она ему подчинялась. Стоило ему поднести руку к бороне, как та несколько раз поднялась и опустилась, устанавливаясь в нужном положении, чтобы принять его; он взялся лишь за край постели, и она уже завибрировала; войлочный валик подвинулся к его рту, было заметно, как офицер не хотел его брать, но замешкался лишь на мгновение, тотчас подчинился и взял его в рот. Всё было готово, кроме ремней, свисавших по сторонам, но они были очевидно ненужными, пристёгивать офицера было бы излишним. Тут осуждённый заметил незастёгнутые ремни; с его точки зрения, экзекуция была бы неполной, если бы ремни остались незакреплёнными, поэтому он махнул солдату, и они побежали пристёгивать офицера. Тот уже вытянул ногу, чтобы толкнуть ручку, приводящую машину в действие; тут он заметил обоих и убрал ногу, давая себя пристегнуть. Теперь он не мог дотянуться до ручки; ни солдат, ни осуждённый не могли её найти, а путешественник твёрдо решил не двигаться с места. Но этого и не понадобилось; едва ремни были пристёгнуты, машина заработала сама; постель вибрировала, иглы плясали на коже, борона взмывала и опускалась. Некоторое время путешественник прикованно наблюдал, прежде чем вспомнил о колёсике в зубчатой передаче, которое должно было скрипеть; но всё оставалось тихо, не было слышно ни малейшего стука.

Из-за этой тишины от машины внимание отвлекалось. Путешественник взглянул на солдата и осуждённого. Осуждённый казался оживлённее, всё в машине интересовало его, иногда он нагибался, иногда вытягивался, то и дело тянул указательный палец, чтобы показать что-то солдату. Путешественнику было не по себе. Он решил остаться до самого конца, но не смог бы долго вынести вида этих двоих. «Идите домой,» — сказал он. Солдат был готов выполнить приказ, но осуждённый воспринял его почти как наказание. Он умоляюще сложил руки, прося оставить его здесь, а когда путешественник покачал головой, не желая сдаваться, то даже опустился на колени. Путешественник понял, что приказами тут не поможешь, хотел было подойти и прогнать двоих, но тут услышал какой-то звук вверху, в рисовальщике. Он посмотрел вверх. Значит, какое-то колёсико всё же мешало? Нет, что-то другое. Медленно поднялась крышка рисовальщика и отхлопнулась совсем. Зубцы одного колеса высунулись наружу и поднялись кверху, вскоре показалось всё колесо, упало вниз, прокатилось по песку и замерло. А вверху в это время выкатывалось уже следующее, за ним последовали и другие, большие, маленькие и едва отличимые друг от друга, и с каждым происходило одно и то же, всякий раз казалось, что теперь уже рисовальщик должен быть опустошён, но тут показывалась следующая, особенно большая группа, поднималась, падала вниз, катилась по песку и замирала. При этом явлении осуждённый совсем забыл о приказе путешественника, зубчатые колёса восхитили его, он хотел было поднять одно из них, потянул за собою для помощи и солдата, но отдёнул руку, испуганный следующим подкатывавшимся колесом.

Путешественник же, наоборот, был весьма обеспокоен; машина на глазах разваливалась на части; плавность её хода была обманчива; у него возникло чувство, что он должен позаботиться об офицере, который уже не мог позаботиться о себе сам. Но пока опадавшие колёса приковывали к себе всё его внимание, он совсем отвлёкся от наблюдений за остальной машиной; когда же он, после того, как выкатилось последнее колесо, нагнулся над бороной, его ожидала ещё более неприятная неожиданность. Борона уже не писала, она глубоко втыкала иглы, а постель уже не переворачивала тело, а лишь поднимала его, дрожа, накалывая на них. Путешественник хотел было вмешаться, возможно, остановить машину, это была уже не попытка, которой хотел добиться офицер, а прямое убийство. Он вытянул руки. Тут борона вместе с наколотым на иглы телом поднялась и повернулась в сторону, как она обычно делала на двенадцатом часу. Кровь лилась сотнями потоков, не смешанная с водой, водопроводные трубочки тоже не действовали. И тут отказало последнее — тело не отделялось от игл, истекало кровью, висело над канавой, не падая в неё. Борона попыталась вернуться в исходное положение, но словно сама заметила, что ещё не освободилась от ноши, и осталась над канавой. «Помогите же!» — закричал путешественник солдату и осуждённому и сам схватился за ступни офицера. Он хотел потянуть с этой стороны за ноги, чтобы те двое поддержали с другой стороны голову, таким образом рассчитывая снять тело с игл. Но теперь эти двое уже не решались подойти; осуждённый почти совсем отвернулся; путешественнику пришлось силой заставить их взяться за голову офицера. При этом он нехотя взглянул в лицо трупа. Оно оставалось таким же, как и при жизни; никаких признаков наступившего освобождения нельзя было различить в нём; того, что машина дала другим, не было суждено получить офицеру; губы были плотно сжаты, глаза открыты, в них было выражение жизни, взгляд был спокоен и решителен, лоб протыкало длинное остриё большого железного шипа.

Когда путешественник с солдатом и осуждённым позади него подошли к первым домам колонии, солдат указал на один и сказал: «Это чайная.»

В нижнем этаже одного дома находилось глубокое, низкое, похожее на пещеру помещение с прокопчёнными стенами и потолком. На улицу оно открывалось во всю свою ширину. Несмотря на то, что чайная мало отличалась от остальных, очень обветшалых — вплоть до

дворцовых сооружений комендатуры — домов колонии, тем не менее она произвела на путешественника впечатление исторического памятника, и он почувствовал силу прошедших времён. Он приблизился, прошёл, в сопровождении своих спутников, между незанятыми столиками, стоявшими на улице перед чайной, и вдохнул холодный затхлый воздух, шедший изнутри. «Старик погребён здесь, — сказал солдат, — места на кладбище ему не дали — священник постарался. Некоторое время было неясно, где его хоронить, и в конце концов похоронили здесь. Об этом вам офицер, конечно, не рассказывал, потому что этого он больше всего стыдился. Он даже несколько раз по ночам пытался выкопать старика, но его всякий раз прогоняли.» «А где могила?» — спросил путешественник, никак не хотевший верить солдату. Сразу же оба — и солдат, и осуждённый — побежали вперёд и вытянутыми руками показали туда, где должна была находиться могила. Они проводили путешественника до задней стены, где за несколькими столиками сидели посетители. Это были, вероятно, портовые рабочие, сильные мужчины с короткими блестящими чёрными бородами. Все были без сюртуков, рубашки разорваны, бедный, униженный народ. Когда путешественник подошёл ближе, некоторые поднялись с мест, прижались к стене и уставились на него. «Это иностранец, — шептали вокруг путешественника, — он пришёл посмотреть на его могилу.»

Отодвинули один из столиков, под которым действительно находился могильный камень. Простая плита, достаточно низкая, чтобы можно было спрятать под столом. На ней была надпись очень мелкими буквами, и чтобы её прочесть, путешественнику пришлось встать на колени. Надпись гласила: «Здесь лежит старый комендант. Его сторонники, которым теперь запрещено носить какое-либо имя, вырыли ему могилу и положили этот камень. Согласно предсказанию, через много лет комендант восстанет из мёртвых и выведет своих сторонников из этого дома, чтобы снова завоевать колонию. Верьте и ждите!» Когда путешественник прочёл это и поднялся, он увидел стоявших вокруг него мужчин; они улыбались ему так, будто прочли надпись вместе с ним, сочли её смехотворной и теперь ждали, что он разделит их мнение. Путешественник сделал вид, что не заметил этого, раздал несколько монет, подождал, пока столик вернули на место, вышел из чайной и отправился в порт.

Солдат и осуждённый встретили в чайной знакомых, задержавших их. Но они быстро от них отделались, судя по тому, что путешественник находился лишь на середине длинной лестницы, ведущей к лодкам, когда те его догнали. Вероятно, они хотели в последний миг уговорить путешественника взять их с собой. Пока путешественник договаривался с лодочником о переправе к пароходу, оба бежали вниз по лестнице — молча, поскольку кричать не решались. Но когда они добежали до низа, путешественник уже сидел в лодке, и лодка отчаливала от берега. Они ещё могли прыгнуть в лодку, но путешественник поднял со дна тяжёлый, скрученный узлом канат, погрозил им и таким образом упредил их прыжок.